

Следовательно, Геронтий действует не как монах и сочлен обители, но как представитель монастыря или, скорее, как ктитор — его собственник. Завещание 1192 г. не служит подтверждением повеллы Льва VI — остальные же завещания, как уже сказано, выходят за избранные нами хронологические рамки.

Сатирики и моралисты XI—XII вв. свидетельствуют о частном владении отдельных монахов. Так, Евстафий Солунский, активный сторонник нестяжательства, с возмущением писал об обогащении иноков, марающих своим поведением высокий идеал (*Opuscula*, p. 229.41—47), и в соответствии с принципами Юстинианова права требовал, чтобы все приобретенное монахом поступало в общую собственность обители (*Opuscula*, p. 229.74—75).

И в агиографической литературе мы обнаруживаем рассказы о монахах, обладавших собственными деньгами или вещами. Житие Лазаря Галесийского повествует о борьбе святого против этого нарушения монашеского идеала⁹⁴. Житие Симеона Богослова передает еще более любопытный эпизод. Влиятельные враги Симеона, этого активнейшего проповедника монашеского нестяжания, подозревали, что он скопил золотые клады; по распоряжению высшей церковной администрации был наряжен обыск в его келье — агиограф высмеивает эту попытку, но походя бросает обмолвку: кое-какое личное имущество у Симеона скопилось — книги, одежда и «другие вещи» (Житие, § 97.13—24).

Э. Герман ставит вопрос, каким образом монах мог распоряжаться имуществом, если оно оставалось значительным, и приходит к выводу, что он сохранил за собой лишь собственность, тогда как право пользования передавалось другому лицу или даже монастырю⁹⁵. В действительности же монахи реально распоряжались имуществом.

Некоторые акты XI в. говорят об особой форме монашеской собственности — владении на срок жизни. Монаху монастыря Галеагра Феодору его дядя, игумен монастыря Евстратий, выделил из монастырских владений поле на срок жизни. Когда обрабатывать поле Феодору стало не под силу, он вернул его монастырю и сам возвратился в монастырь, чтобы вместе со всеми братьями нести ту службу, какую укажет игумен; что же касается поля, то оно должно было быть у монастыря в прежней собственности⁹⁶. Монах Петр получил от игумена монастыря Кацари клочок земли, где разбил виноградник и маленький сад; он должен был владеть этой землей до конца жизни и сохранил свои права даже после того, как верховная собственность на его угодья перешла к обители св. Трифона⁹⁷. Таким образом, в условной собственности монахов могла находиться даже недвижимость.

Наличие у монахов имущества и права передавать часть его родным создавало для монастырей постоянную угрозу утечки собственности. Вопреки монашескому идеалу, инок не порывал сплошь и рядом со своей семьей и жертвовал интересами монастыря во имя прежних семейных связей. Симеон Богослов запрещал монахам подкармливать монастырским хлебом братьев и друзей (*Catéchèses*, t. 1, p. 286.72—75); своего преемника он наставлял не раздавать имущество обители родне⁹⁸. Точно

⁹⁴ AASS, Nov. III, 536, 552, 566. См. анализ этих мест: *E. Herman*. Die Regelung der Armut. . . , S. 431—433.

⁹⁵ *E. Herman*. Die Regelung der Armut. . . , S. 438.

⁹⁶ *L. Petit*, *W. Regel*. Actes d'Esphigménou. — BB, XII, 1906. Приложение, № 2. 15—25. Грамота 1051 г.

⁹⁷ Акты Русского на св. Афоне монастыря. Киев, 1873, стр. 12.4—9. Грамота 1034 г.

⁹⁸ Житие Симеона, § 62.21—22. Любопытно, что на полях рукописи жития (Paris, 1610, XIV в.) специально оговорено право игумена кормить своих родителей, если они голодают (*I. Hausherr*. Un grand mystique. . . , p. 84, n. 26).